

УДК 1 (075.8)

**ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ ДОНАУЧНОГО ЗНАНИЯ
КАК «ПРЕЛЮДИИ» НАУКИ**

**PHILOSOPHIC-METHODOLOGICAL REFLECTION OF PRE-SCIENTIFIC
KNOWLEDGE as «PRELUDE» SCIENCE**

**Г.Н. Калинина
G.N. Kalinina**

*Белгородский государственный институт искусств и культуры,
Россия, 308033, Белгород, ул. Королева, 7
State Institute of arts and culture, 7 Queen St, Belgorod, 308033, Russia*

E-mail: galakalinina@inbox.ru

Аннотация. В статье предпринимается попытка выработки (на основе соотносительного анализа) общего философского понимания и систематизации логико-методологических определений донаучного и вне-научного знания как «превращенных форм» знания. Осуществляется философско-методологическая проблематизация сущности и содержания данных ментально-когнитивных формообразований в культурно-исторической системе знания.

Resume: The article attempts to develop (based on correlative analysis) general philosophical understanding and systematization of logical-methodological definitions of donaučnogo and vnenaučnogo as a «forms of knowledge». Philosophic-methodological problem is carried out by the entities and data content of mental-cognitive formoobrazovanij in cultural-historical knowledge system.

Ключевые слова: донаучное, вне-научное знание, преднаука, наука, «превращенная форма», ментально-когнитивные формообразования, культурно-историческая система знания, гносеология, эпистемология.

Keywords: donaučnoe, vnenaučnoe, knowledge prednauka, science knowledge, «transformed form», mental-cognitive shaping, cultural-historical system of knowledge, epistemology, epistemology.

Приступая к рассмотрению заявленной в статье темы изначально необходимо определиться с более всеобщим, родовым понятием «знание», поскольку здесь мы встречаемся со множественностью определений, толкований и трактовок [Познание в социальном контексте, 1994].

Концепт «знание» греческого происхождения («episteme – знание, умение, наука) – уже Сократ, демонстрируя несостоятельность имеющихся определений, говорит, что ни ощущение, ни правильное мнение, ни объяснение в связи с правильным мнением, не есть знание, а подлинное знание есть только такое, которое является также умением владеть и обязательно пользоваться предметом знания. Платоновская школа интерпретировала знание как восприятие души человека, в отношении которого рассудок (λόγος) бессилен, как истинное рассуждение, непоколебимо закрепленное в разуме [Платон, 1993: 274]. Со своей стороны, Аристотель, расширяя данное понятие, помимо опыта и других характеристик, включал в него такие феномены человеческой ментальности как вера, мнение (а не только научное знание). Понимание недопустимости отождествления и смешивания науки со знанием (при ширине второго) восходящее к античности, закрепляется в последующей историко-философской мысли.

Однако всю глубину и интегральность вне- и сверхприродного содержания знания впервые увидел К. Маркс, связав его не со структурой разума или с Богом, а с особенностями деятельности и отношений между познающими индивидами. Ряд идей марксизма были переинтерпретированы и включены в идущую от Канта программу исследования социальной природы познания усилиями западной социологии (Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Манхейм).

Современные философские энциклопедические и словарные источники содержат свои трактовки: «Знание – продукт общественной материальной и духовной деятельности людей; идеальное выражение в знаковой форме объективных свойств и связей мира, природного и человеческого» [Философский словарь, 1991: 474]. «Знание – селективная, упорядоченная, определенным способом (методом) полученная, в соответствии с какими-либо критериями (нормами) оформленная информация, имеющая социальное значение и признаваемая в качестве именно знания определенными социальными субъектами и обществом в целом». [Новейший философский словарь,

1998: 119]. В русле разнообразия нормативных тезаурусных интерпретаций знания следуют и многочисленные авторские идентификации данного понятия. Так, знание определяется «как воспроизведение реальности в чувственных и умственных образах и понятиях» (М.Г. Ярошевский); как «субъективный образ объективного мира» (Ф.И. Георгиев); как «теоретическое овладение объектом, предпосылка практической деятельности человека» (П.В. Копнин) и т.д. [Ярошевский, Юревич, Аллахвердян, 2000; Георгиев, 1974; Копнин, 1974].

В целом следует отметить, что все существующие дефиниции «выполнены» в соответствии с нормами классической теории познания, фактически не выходя за эти рамки.

В данной связи целесообразно перейти к анализу неклассических определений и смысловых контекстов данной категории. Одновременно подчеркнем, что известные сложности с определением и философским анализом знания, присущие классической эпистемологии, переходят сегодня в плоскость преодоления демаркационистского подхода, в рамках которого остается прежнее противопоставление науки и иных форм познавательной деятельности.

В целях сопоставления ряда подходов важно обратить внимание на следующее. Классические определения знания как субъективного образа объективного мира, как об отражении объективной реальности, соответствующей результату, не содержат в себе указаний по факту различения знания от того, что таковым, то есть, знанием, не является. В силу своей абстрактности эти определения вполне совместимы с допущением, что знание представляет собой результат работы сознания в системе человеческой деятельности, который (результат) говорит нам о мире, относительно независимом от самого познавательного процесса. Тогда не только истинное научное знание, но и фантазии, заблуждения, верования, убеждения, предрассудки и обыденные представления, эмоции и нравственные решения являются формами знания – анализ этих феноменов позволяет выстраивать определенную картину мира.

Неклассическая эпистемология значительно расширяет круг рассматриваемых феноменов, объединяемых термином «знание». С этих позиций гносеологическое различие между истинным и ложным, научным, мифологическим и повседневным познанием становится второстепенным. Так, существенное различие между типами научного знания, между научными дисциплинами, рассматривающими разные аспекты реальности (к примеру, разница между естественнонаучными и гуманитарными системами знания) не является более основанием для утверждения о независимости одного из них от общества и культуры. В связи с радикальным переосмыслением предмета и границ современной эпистемологии некоторые исследователи даже говорят о ее «самопроблематизации» как дисциплины [Микешина, 2002: 416]. Именно потому, что знание и познание понимаются как элементы более широкой области – мира человеческой деятельности и общения (но в их идеальном аспекте), – свою новую интерпретацию (и отчасти новый философско-гносеологический статус) получают основные гносеологические понятия (знание, истина, рациональность, метафора, научный стиль мышления (как особый тип культуры, ментальности, погруженный в социальный контекст). Все это находится в пространстве новейших дискуссий по основным проблемам познавательного процесса, анализ которого утверждает факт очевидной взаимосвязи, детерминации, «нагруженности» обыденного сознания и знания транслирующимися и культивируемыми в данной культуре нормами и идеалами, сферами деятельности. От последних, собственно, и зависит внутреннее содержание знания.

Современная ситуация в гносеологии отчасти воскрешает классическую ориентацию на анализ целостного познавательного отношения, но уже на новом уровне. Так, классическая теория познания в числе своих предпосылок содержала убеждение в том, что анализ научного знания является лучшим способом исследования знания вообще. Это подразумевало принятие и абсолютизацию гегелевского понимания развития как «снятия» применительно к историческому развитию знания. Соответственно полагалось, что наука как исторически наиболее прогрессивная область знания также «снимает» все другие формы и типы знания, наследуя их «рациональное зерно», отбрасывая свойственные им заблуждения.

С неклассических же позиций, данная целостность представляется не как нечто нерасчлененное, а, напротив, как внутренне дифференцированное многообразие знания. Гносеологический интерес распространяется как на научные, так и на вне- и ненаучные способы ментально-когнитивного освоения мира, и каждый тип знания обнаруживает присущие ему особенности, сферы применимости, формы обоснования и критерии приемлемости. Одновременно высказываются мнения, что знание ничего не несет в себе кроме адекватной той или иной культурной среде информации об устройстве мира (это, тем не менее, не исключает адекватности реальности). Отсюда, как отмечает Б.Л. Пружинин, – создается впечатление, что из философской рефлексии над наукой уходит потребность в понятии истины, а также и в эпистемологии как учении о путях истинного познания, соответственно. Складывается реальность самоотрицания фундаментальной науки как носителя идеи истины [Пружинин, 2004: 29].

С учетом вышеизложенного, можно констатировать, что однозначного способа употребления понятий «знание», «научное знание», «наука» не существует – трудности формулировки

определений такого рода были ясны уже Платону, показавшему, что сократовский вопрос «что есть знание?» не допускает тривиального ответа. Представляется, что вполне возможно сформировать несколько таковых определений, при том, однако, условии, что каждое из них не будет выходить за границы его согласования со способами употребления термина «знание» в реальной жизни, и не станет результатом произвольного конструирования возможных смыслов слова «знание». Хотя, по-видимому, гораздо продуктивнее и целесообразнее (с учетом современной эпистемологической данности) сосредоточиться, как это предлагает И.Т. Касавин, на анализе различных форм и типов знания, не стремясь заранее предугадать (и уж не в коей мере навязать) им универсальное единство [Касавин, 1994: 13].

Уточним, что имеющаяся на сегодняшний день типология знания представлена теми его формами, которые строго «не укладываются» в границы того или иного типа знания и уже поэтому не предназначена для того, чтобы дать какое-либо определение термина «знание». Отчасти здесь дело в том, что ни предметные, ни методологические измерения знания не дают достаточных оснований для его типологии. Напротив, они сами требуют отсылки к тем системам социальных связей и отношений, в которые знание исторически включено, к тому виду деятельности, с которым соотносится и взаимодействует (явно или неявно) данный тип знания. Понятно, что знание порождается не только собственно познавательной деятельностью. Его типология симметрична известной типологии практической, духовно-практической и теоретизированной деятельности.

Поэтому, как предлагает И.Т. Касавин, «надо попытаться как-то объединить все виды знания, не исключая относительно обособленных образований внутри всякого массива человеческого познавательного опыта» [Касавин, 1994: 7-8]. Говоря о сомнительном характере построения типологии знания, исходящей из прежнего противопоставления «наука» - «ненаука», он подчеркивает также и тщетность попыток однозначно связать понятие «знание» с каким-либо одним историческим типом знания. У знания нет единственно адекватной формы, комментирует И.Т. Касавин, и такая жесткая и дискриминационная позиция, лишаящая (до) или ненаучное знание всякого когнитивного содержания, не отвечает современным потребностям развития гносеологии. Причем все формы знания, будучи так или иначе ориентированными на совершенно разные социальные потребности и роли познающих субъектов, оказываются в той или иной мере специализированными. Заметим, речь идет о новых смыслах, которые приобретает понятие «знание» с точки зрения принципа «семейного сходства» [Касавин, 1994: 7-8]. В значительной мере именно данное обстоятельство сводит на «нет» попытки акцентирования внимания на противоположности специализированного и неспециализированного его (знания) типов. Это еще раз подтверждает сложность анализа понятия «знание».

В отношении практического типа знания необходимо отметить, что, в связи с современными тенденциями умножения многообразия потребностей и интересов прогнозируется относительное снижение доли и роли стереотипов в общественном производстве. Эта ситуация пролонгируется на тенденцию увеличения многообразия форм знания, непосредственно связанных с локальными практиками и не требующих универсальной стандартизации. Поскольку же критерием применимости знания служит его непосредственная эффективность, то едва ли такого рода знание может быть вытеснено наукой. Или же индивидуализация знания окажется совместимой с какой-то иной, отнюдь не современной наукой.

В данной связи английский социолог Х. Новотни отмечает, что «с некоторых пор мы привыкли приписывать научному знанию верховный социальный и эпистемологический статус, к которому добавляется привилегия судить о правоте других убеждений; будет все же большим упрощением отбрасывать как иррациональное, эмоциональное и необоснованное всякое явление, к которому неприменимы стандарты научной рациональности (выделено нами – Г.К.)» [Касавин, 1994: 8].

Можно также, солидаризируясь с Л. Витгенштейном, указать, что «разные формы знания следует изучать как обычаи примитивного племени и, уподобляясь этнографу, заниматься их описанием, а не оценкой [Витгенштейн, 1994: 139]. Сегодня эта мысль звучит вполне актуально, поскольку налицо тенденция взаимовлияния практического и духовно-практического типов знания. Последнее (как будет показано в ходе работы), обладающее богатым когнитивным содержанием духовно-практического опыта, способствует самовыражению индивида, и, рисуя свой образ мира, демонстрирует обобщенные образцы поведения и мышления, избирая для этого отличные от абстрактно-понятийных средства. Надо заметить, что такое знание, ставя во главу угла перспективы духовного развития, словно балансирует на грани, разделяющей миры действительного, должного и возможного. Наконец, обращение к теоретизированному типу знания позволяет утверждать его известную антиномичность, противоречивость, которые в значительной мере «задают» его ментально-когнитивное содержание. Иначе говоря, анализ многообразия знания приводит к широкому и одновременно ситуационному пониманию и подходу к знанию (познанию) как к производному от «набора» факторов, имеющих даже, казалось бы незначительный, локальный когнитивный статус. В данной связи мы считаем, что сегодня есть достаточные основания к тому, чтобы при характеристике категории «знание», отказаться от дихотомии наука-ненаука как фундамента

классической гносеологии. Кризисные процессы в области классической методологии свидетельствуют об отсутствии эпистемологических для данного принципа оснований и подтверждают потребность в проблематизации знания как понятия и феномена.

В целом, общий контекст рассуждений подвел нас к следующему обобщающему определению, согласно которому, знание – это внутренне дифференцированное, учитывающее все многообразие мыслительных дискурсов, культурно-познавательное отношение и способ культурно-когнитивного освоения мира с присущим каждому из них особенностями, сферами применимости, формами обоснования и критериями приемлемости.

Далее логично перейти к анализу понятия «донаучное знание», так как мы, исследуя историю всякого культурного феномена (тем более генезис и становление науки и «научного знания»), постоянно сталкиваемся с проблемой начала: с какого именно момента можно констатировать его рождение, обособление от других, «донаучных форм»? Сразу же имеет смысл подчеркнуть: казалось бы столь очевидный, «говорящий сам за себя» термин «донаучное» знание при его более-менее углубленном рассмотрении перестает быть таковым, как только в одном с ним ряду оказываются такие внешне схожие понятия, как «ненаучное», «преднаучное», «протонаучное» знание. Степень такой «условности» и терминологической некорректности недооценивается и отчасти объясняется наличием сохраняющихся стереотипов, выражающихся в тенденциозно заниженных оценках этого специфического ментально-когнитивного феномена как «неразвитого», «примитивного», «упрощенного», «утилитарного» и т.д. (по сравнению с «настоящим» собственнонаучным знанием). В самом общем виде донаучное знание (в отличие от научного) можно идентифицировать как «зародышевые» формы познания, возникшие в недрах (и на основе) обыденного, стихийно-эмпирического, несвободного от антропоморфных наслоений, которые, будучи вплетенными в наличные практики эпохи, обладают способностью порождать предметное и объективное знание о мире, выступая прототипом, предпосылочной базой собственно научного знания.

Представляется уместным сразу же подразделить донаучное знание на два вида (подсистемы). С одной стороны, обыденно-практическое знание, включающее повседневный опыт (чувственный перцептивный опыт, естественный язык, здравый смысл), а также народное знание. С другой - взгляды мыслителей донаучного периода на Вселенную, мистические течения, религиозно-философские учения. В свою очередь, повседневный опыт, выступая основой обыденно-практического (по) знания, предстает как совокупность ряда познавательных подсистем, в числе которых: чувственный перцептивный опыт, естественный язык и здравый смысл. Анализ двух способов приобретения знаний (освоение повседневного опыта и обучение специализированному знанию) позволяет нам указать на важный в гносеологическом отношении факт – специализированные виды познавательной деятельности (а это уже элементы собственно науки) хотя и находятся на более высоком уровне по отношению к житейскому опыту, однако принципиально не могут существовать без него в рамках наличной практики как без своей базовой опоры. Одновременно формируется особая ценностная проекция видения и чувствования жизни.

Опыт и знания, накопленные человеческим обществом, и язык обусловили появление способов их передачи.

Как знаковая реальность язык, всегда сопутствующий социальности, служит специфическим средством не только хранения знаний и передачи информации, но и средством управления поведенческой линией людей. С точки зрения исторического возраста самым древним был именно тип освоения человеком социальной действительности, предусматривающий его приобщение к социальной деятельности через «вечное имя – различитель», (например, быть отцом, матерью, сыном, дочерью, старейшиной рода и пр). Эти имена заставляли человека жестко следовать программам данных социальных ролей и целиком растворяться в функциях и обязанностях, передаваемых ему с именем [Петров, 1996: 319]. Язык же дисциплинарной науки, строясь на основе естественного языка и сохраняя его основные грамматические структуры, стремится к однозначности, обеспечивая тем самым достаточно универсальную коммуникацию внутри научных сообществ. Это подтверждает тот факт, что, хотя научные понятия существенно отличаются от понятий повседневной жизни, их генетическим источником являются повседневный опыт и естественный язык.

Так мы подошли к понятию «здравого смысла». Вопрос этот тривиален только по причине его сверхочевидности, не более. Что же касается дефиниций, то они множественны и вполне различимы. Так, здравый смысл – это и совокупность представлений людей о мире, о самих себе, принцип понимания и оценки ими явлений, правил, по которым следует действовать в конкретных жизненных ситуациях [Филатов, 2004: 173]. и стихийно складывающиеся под воздействием повседневного опыта взгляды людей на мир и самих себя, принцип понимания и оценки явлений, правила действия в определенных ситуациях»; и «результат великой, бессознательной логической истории; наконец, по механизмам и каналам трансляции это универсальная традиция человечества как, его носителя [Мигдал, 1983: 40]. По сути, перед нами одна мыслительная модель, поэтому вполне достаточно признать, что здравый смысл – это способность человека, носителя данного понятия, произвольно откладывать в своем уме представления о мире, давать оценоч-

ные характеристики, отражая свои личные взгляды в правилах и принципах действия. Иначе говоря, в здравом смысле отлагаются результаты практически-повседневного, познавательного, нравственного, эстетического и иного опыта человечества, это главная составляющая обыденного знания.

Изложенное выше о повседневном опыте убеждает, что это неспециализированное знание, приобретаемое человеком в ходе ежедневной житейской деятельности, содержит в себе потенциальную возможность человека подняться к более высоким и организационным ступеням духовно-практической и интеллектуальной деятельности. В донаучном опыте сконцентрированы социально и культурно детерминированные идеалы и ориентации людей, «жизненная философия», которая, выступая уже в роли специализированного типа научного мышления, трансформируется в мировоззрение, составляющая система которого становится фоном всех поведенческих реакций, поступков, действий человека.

Практика, связанная с необходимостью максимально полезного решения ряда проблем, привела к накоплению суммы знаний с последующим закреплением такого багажа в понятии «народная наука». Сразу заметим, что мы склонны оспаривать данный термин, считая более точным понятие «народные знания», но отнюдь не «народная наука». Донаучные знания, которые обнаружили себя в таком феномене коллективного сознания, как народные знания, аккумулировали в себе результаты житейского опыта, практической деятельности и обращены одновременно как к самым элементарным, так и к жизненно важным аспектам.

Народное знание и сопровождающие его эволюцию процессы (накопление рецептурно-практического знания, усиление процессов централизации и специализации всего опытно-практического корпуса народных знаний, оформившегося в практические традиции как концентрированное выражение обыденно-практического знания) выступали живительным импульсом и прообразом развития науки в формах и видах наличной практики, как бы предвосхищая тем самым устойчивые приобретения человеческой цивилизации. Одновременно практическая необходимость инициировала потребность использования при возведении сложных объектов определенных технических решений. По сути, они представляли собой двойственную природу – синтез естественного и искусственного, где естественное (сфера вовлечения его в человеческую практику всегда ограничена) определяется свойствами тел, поставленных человеком в те или иные взаимодействия, а искусственное выражается в том, что они, будучи продуктами созидательной деятельности человека, приспособлены к целям деятельности, выполняя в ней определенные функции (техника как вторая природа). Включение элементов теоретических новаций и представлений в практическую жизнь, помимо материальных выгод, включало просветительский и когнитивный аспект, а вместе с тем и достаточно весомую этическую компоненту, оценивающую всевозможные преимущества и последствия, рождаемые от стремления широко следовать данным новациям.

Место и роль обыденно-практического знания в рациональном познании дополняется возникновением первых теоретических обобщений как предтечи и предпосылки науки, а также начатками методологических знаний, обнаруживаемых уже на ранних ступенях развития культуры. [Калинина, 2008: 129-130]. Равно как и духовно-практического освоения мира, характеризующегося неустойчивым равновесием рациональности и элементов мистически-индуктивного познания высшего сверхчувственного мира [Калинина, 2008: 130]. Можно сказать, что новоевропейская «опытная наука» выступает производным от начальной пункта своего отправления – то есть от генезиса античной науки, возникшей и формировавшейся в донаучный период (VI в. до н. э.). В античной Греции в связи с развитием техники, производства, искусства, элементов самой науки методология эволюционирует в предмет специальной теоретической рефлексии. Формой последней выступает философское осмысление принципов организации и регуляции познавательной деятельности (выделяются условия, структура, содержание знания, пути достижения истины (как соответствия знания вещам, по Аристотелю). Он вводит в качестве строгого научного метода аналитику – теорию аподиктического («доказательного») силлогизма, который исходит из «правдоподобных», или «вероятных», предпосылок и приводит к «научному знанию». Аподактика Аристотеля, теория доказательства, представляет собой дедуктивно-аксиоматический метод. В своих границах античная наука с единственным, универсальным методом познания применяла созерцание, наблюдение вещей и явлений. И хотя ограниченность и недостаточность метода наблюдения становилась все более очевидной, тем не менее, античность не смогла открыть для себя экспериментального метода и использовать его для постижения природы, -экспериментирование не воспринималось как путь познания природы.

Причина этого, как отмечает В.С. Степин, заключается не только во внешних по отношению к науке социальных обстоятельствах и предпосылках. Они, в конечном счете, не прямо и непосредственно определяли облик античной науки, а влияли на нее опосредованно, через мировоззрение, выражавшее глубинные менталитеты античной культуры [Степин, 2006: 222]. Причем, сама идея экспериментального исследования неявно предполагала наличие в культуре особых представлений о природе, деятельности, познающем субъекте, представлений, которые не были

свойственны античной культуре. Универсализация метода наблюдения стала сдерживающим фактором на пути интеллектуальной зрелости человечества.

Иначе говоря, фундамент собственно науки формировался при помощи практически-ориентированного (отчасти предпосылочно-теоретического) знания в процессе его дальнейшего пополнения и обогащения древними цивилизациями с характерными способами и техниками его (знания) получения, накопления, воспроизводства и способами социальной трансляции. Эти знания, послужили предтечей, живительным импульсом к рождению «собственно науки» как формы рационально-теоретического мышления.

Итак, анализ донаучного знания как понятия и феномена в контексте эволюции обыденного, стихийно-эмпирического познания ранней стадии развития человечества позволяет сделать некоторые предварительные выводы и обобщения.

Во-первых, гносеологические особенности обыденно-практического знания, его место и роль в феноменологии знания, рассмотренные под углом зрения названных функциональных когнитивных систем (как видов «живого» практического знания, теснейшим образом взаимосвязанные и подтверждающие друг друга в повседневном знании и опыте) позволяет определять таковой в качестве первой ступени рационального познания человеком объективной действительности. Во-вторых, начальные теоретические обобщения в диапазоне обыденно-практического знания и в границах наличной практики стали своего рода гносеологической предтечей научного метода познания, имеющего своим непосредственным истоком начатки методологических знаний, обнаруживаемых уже на ранних ступенях развития культуры и представленных в практических формах взаимоотношения индивида с объективным предметно-материальным миром. В-третьих, донаучные знания (при всей специфике способа получения - как предписания для наличной, не покидающей своих границ) практики, не только явились прообразом собственно научных знаний. Они оказали существенное влияние на зарождение науки как организованной рационально-теоретической формы знания, связанной с основными параметрами бытия человечества. По большому счету, «чем богаче явлено многообразие мира культуры (и с этих позиций – науки), тем сильнее связано оно в единстве. Наверное, нет необходимости, преломляя эту проблему в теории познания, настаивать на обратном» [Калинина Г.Н., Римская: 27].

С учетом сказанного, мы подошли к тому, чтобы путем обобщения всей совокупности выявленных в ходе анализа специфических особенностей зародышевых, незрелых форм донаучного (по) знания, характеризующих донаучную структуру познавательной деятельности, охарактеризовать данный феномен как предпосылочную форму знания по отношению к собственно науке. Строго говоря, поскольку собственно наука, ее базис зарождалась и формировалась именно на почве и в недрах донаучного знания, постольку, систематизация его отличительных признаков может служить убедительным доказательством «в пользу» трактовки донаучного знания как предтечи собственно науки. Это ментально-когнитивное формообразование, генезис которого восходит к ранней стадии развития культуры (в общепринятой понятийной сетке -преднауки).

В целом же анализ донаучного знания как формы обыденного, стихийно-эмпирического познания позволяет указать на специфику структуры донаучной познавательной деятельности в сравнении со структурой собственно научного исследования. И тем самым идентифицировать донаучное знание как «превращенную форму» науки в целостной культурно-исторической системе знания.

Список литературы: References

- 1.Бородай Т.Ю. Платон // Античная философия: Энциклопедический словарь. - М.: Прогресс-Традиция. 2008. - С. 565-574.
Boroday T.U. Platon//Ancient philosophy: an encyclopedic dictionary. -M.: Progress-Tradition. 2008.-P. 565-574. (in Russian)
- 2.Георгиев Ф. И. Субъективное и объективное. В кн.: Гносеологические проблемы диалектического материализма. Под ред. Ф.И. Георгиева. М., 1974. - С. 92-109.
Georgiev F.I. Subjective and objective. In: Epistemological problems of dialectical materialism. Ed. F.I. Georgieva. M., 1974. P.-92-109. (in Russian)
- 3.Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. / Л. Витгенштейн. – М.: Гносис, 1994.
L. Wittgenstein, Philosophical work. N. 1. /L. Wittgenstein. -M.: Gnosis, 1994. (in Russian)
- 4.Калинина Г.Н. Наука: прерванный триумф: Монография / Г.Н. Калинина, 2008. – 326 с.
Kalinina G.N. Science: interrupted triumph: monograph/ G.N kalinina, 2008. -326 p. (in Russian)
- 5.Калинина Г.Н., Римская О.Н. Коммуникативная наука как альтернативная (философско-методологическая экспликация) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 14 (211). – Вып. 33. – Белгород, 2015. – С. 21-27.

Kalinina G.N., Rimskaya O.N. Communicative science as an alternative (philosophic-methodological explanation)//scientific statements, Technopark. Series "Philosophy. Sociology. The law of the sea ". -No. 14 (211). -ISS. 33.-Belgorod, 2015. P. 21-27. (in Russian)

6. Калинина Г.Н., Римский В.П. Самополагание науки и превращенные формы знания // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 20 (139). – Вып. 22. – Белгород, 2012. – С. 28-39.

Kalinina G.N., Rimskiy V.P. Samopolaganie Science and esterified forms of knowledge//scientific statements, Technopark. Series "Philosophy. Sociology. The law of the sea ". -No. 20 (139). -ISS. 22.-Belgorod, 2012. -P. 28-39. (in Russian)

7. Касавин И.Т. Понятие знания в социальной гносеологии // Познание в социальном контексте. -М.: РАН,1994.

Kasavin I.T. Concept knowledge in social epistemology//Knowledge in a social context. -M.: RAS, 1994. (in Russian)

8. Копнин П.В. Гносеологические и логические основы науки. – М., 1974. – 547 с.

Kopnin P.V. Gnoseologičeskiei logical foundations of science. -M., 1974. -547 p. (in Russian)

9. Мигдал А.В. Поиски истины / А.В. Мигдал. – М.: Наука, - 1983.

Migdal A.V. truth/ A.V Migdal. -Moscow: Nauka, 1983. Mikeshina La Philosophy of cognition. Polemical chapters. -M.: 2002. (in Russian)

10. Микешина Л.А. Философия познания. Полемиические главы. – М.: 2002.

Mikeshina L.A. Philosophy of cognition. Polemical chapters. -M.: 2002. (in Russian)

11. Новейший философский словарь / Гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. - Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998.

The newest philosophical dictionary/HL. researcher. Ed. and compl. A.a. Gricanov. -Mn.: Izd. V.m. Skakun, 1998. (in Russian)

12. Петров М.К. Историко-философские исследования. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. - 512 с.

Petrov M.K. historico-philosophical studies. -M.: "Russian political encyclopedia, 1996. -512 p. (in Russian)

13. Платон. Тэтет // Собрание сочинений: В 4 т. Т.2. - М.: Мысль, 1993.

Platon. Teètet//Edition: 4 t. t. 2. -M.: thought, 1993. Knowledge in a social context. -M.: RAS, 1994. -p. 174. (in Russian)

14. Познание в социальном контексте. - М.: РАН, 1994. - 174 с.

Knowledge in a social context. -M.: RAS, 1994. -174 p. (in Russian)

15. Пружинин Б.Л. RATIO SERVIENS? // Вопросы философии. – 2004. – № 12.

Pružinin B.L. SERVIENS RATIO? Questions of philosophy. -2004. -No. 12. Stepin V.s. philosophy of Science: General issues/V.s. Stepin. -M.: Gardariki. 2006. (in Russian)

16. Степин В.С. Философия науки: общие проблемы / В.С. Степин. – М.: Гардарики. 2006.

Stepin V.S. philosophy of Science: General issues/V.S. Stepin. -M.: Gardariki. 2006. (in Russian)

17. Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1991. – 560 с.

Philosophical dictionary. Ed. I.t. Frolova. -Moscow: Politizdat, 1991. – 560 p. (in Russian)

18. Филатов В.П. Научное познание и мир человека / В.П. Филатов. - М.: Политиздат, 2004.

Filatov V.P. scientific knowledge and the world of man/V.P.filatov. -Moscow: Politizdat, 2004. (in Russian)

19. Ярошеский М.Г., Юревич А.В., Аллахвердян А. Г. Программно-ролевой подход и современная наука // Вопросы психологии. - 2000. - № 6. - С. 3-40.

Yarošeskij M.G, Yurevich A.V., Allahverdân A. G. Programmatically-role-playing approach and modern science//psychology. -2000. - № 6. -P. 3-40. (in Russian)